

ДМИТРИЙ О. ТИМОШКИН¹

Иркутский государственный университет, Иркутск; РАНХиГС, Москва,
Россия

ORCID: 0000-0001-5478-0469

«Как бы есть, но пока больше виртуально»: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках²

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-227-246

Резюме:

В статье рассматриваются репрезентации диаспоры в текстах, опубликованных на цифровых коммуникационных площадках трансграничных мигрантов, прибывающих в Россию. С помощью анализа дискурса исследовались сообщения, размещенные в открытом доступе в тематических группах в «ВКонтакте», «Одноклассниках», каналах в телеграме. Цель исследования заключалась в том, чтобы выяснить, какими значениями наделяют пользователи слово «диаспоры», которое рассматривалось как «узловой знак», объединяющий в единый дискурс посты и комментарии посещающих цифровые площадки мигрантов. Опираясь на результаты дискурс-анализа более тысячи релевантных целей исследования сообщений, мы установили, что «диаспора» чаще всего упоминается в репостах пресс-релизов государственных и общественных организаций, где она представлена как объект бюрократического воздействия, посредник между мигрантами и государством. В данных текстах диаспора помещена в один семантический ряд с различными органами государственной власти и их представителями. При этом диаспора определяется как участник организованных государственной бюрократией принимающей страны или страны-донора мероприятий, цель которых — манифестация инаковости. В пользовательских комментариях транслируются иные значения: люди либо

227

- 1 Тимошкин Дмитрий Олегович — старший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Российская Федерация, Иркутск; научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Москва. Научные интересы: маргинальность, социальные медиа, «рутинное сопротивление».
- 2 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

сомневаются в ее существовании, либо в способности эффективно решать их проблемы.

Ключевые слова: диаспора, мигранты, социальные медиа, «ВКонтакте», «Одноклассники», телеграм, манифестация, дискурс

Dmitry O. Timoshkin¹

Irkutsk State University, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

“They Seem to Exist, but Mostly Virtually so Far”: Representations of Diasporas on Migrant Digital Communication Platforms

Abstract:

The article examines the representations of the “diaspora” in texts published on “migrant” digital communication platforms. With the help of discourse analysis the messages posted in open access in thematic groups in VKontakte, Odnoklassniki, and Telegram channels were studied. The purpose of the study was to find out what meanings and functions the users of these sites give the word “diasporas”. The “Diaspora” was considered as a nodal point, uniting the narratives of people visiting “migrant” sites into a single framework. It was assumed that the “diaspora” does not have a clear, fixed content and various actors are trying to turn it from an “element” into a “moment”, securing a certain meaning for it. More than a thousand messages found on “migrant” sites were analyzed. The study showed that the “diaspora” within the considered digital platforms is most often mentioned in the reposts of press releases of state and public organizations, where it is presented as an object of social action, an intermediary between migrants and the state. In these texts, the “diaspora” is represented in the same semantic row with various state authorities and their representatives. At the same time, the “diaspora” is defined as a participant in events organized by the state bureaucracy of the host country or the donor country, the purpose of which is the manifestation of ethnicity. In user comments, these values are disputed: people either doubt its existence or its ability to effectively solve their problems.

Keywords: diaspora, migration, social media, VKontakte, odnoklassniki, telegram, formalized text, power

1 Dmitry O. Timoshkin — Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow. Research interests: marginality, social media, «routine resistance».

Введение

Споры о значении термина «диаспоры», как и о существовании обозначаемого этим термином феномена в российском академическом пространстве идут десятилетиями [Дятлов, Тощенко, Чаптыкова, Фоканов и др.]. Обзоры таких дискуссий публикуют журналы «Diaspora»¹ и его русскоязычный аналог — «Диаспоры». Это понятие используется в самых разных значениях в огромном количестве публицистических и академических текстов², причем многие авторы рассматривают употребляемый ими смысл как часть очевидного знания. С одной стороны, это говорит о том, что для многих авторов, использующих термин, его содержание *«настолько ясно, а явление, им называемое, настолько определено, что особых комментариев просто не требуется»* [Дятлов 1999], все еще существует. При этом «диаспоры» остаются явлением неоднозначным настолько, что даже их существование может быть предметом споров.

Сегодня диаспора рассматривается в весьма широком смысловом диапазоне, как землячество [Кондратьева 2009], как самовоспроизводящийся механизм манифестации культурной инаковости [Симон 2016]; как инструмент накопления административного капитала [Дятлов, Нам 2020]; как конструкт «современных медиа» [Воронова 2016]. Актуализации термина способствует типичное для общественного мнения внимание к маргинальным сообществам [Ван Дейк 2013], к которым, безусловно, можно отнести некоторые категории трансграничных мигрантов [Баньковская 2002; Малахов 2004].

При этом диаспоры широко представлены в повестке дня. Даже самый поверхностный поиск в Google показывает, что еженедельно появляются десятки и сотни новостных текстов, содержащих слово «диаспора» в самых разных значениях. Помимо профессиональных медиа диаспоры становятся предметом обсуждения в медиа социальных, причем частота употребления понятия, а также массовое использование мигрантами цифровых технологий для расширения возможностей столь важных в их повседневности горизонтальных сетей [van Meeteren, Pereira 2018; Komito 2011; Hayness, Wang 2019] ставит вопрос о существовании цифровых диаспор. Задуматься о существовании этого феномена заставляют и сходства существующих в Сети сообществ с теми, что создаются трансграничными мигрантами офлайн. В частности, мигрантские цифровые пло-

1 <https://www.utpjournals.press/loi/diaspora>

2 В «Киберленинке» можно найти более 10 тысяч упоминаний слова «диаспора» в научных статьях: <https://clck.ru/TrK4G>

щадки становятся местом обмена информацией и взаимной поддержки среди мигрантов и используются для накопления социального капитала, снижения издержек на легализацию, поддержанию транснациональных сообществ и так далее [Dekker, Engbersen 2014; Dekker, Engbersen, Klaver 2018].

Признавая «цифровые диаспоры» объективно существующим феноменом [Ponzanesi 2020; Кужелева-Саган 2016], исследователи так же расходятся в определениях, как и в случае с обычной диаспорой. Под этим может пониматься, например, репрезентированное с помощью цифровых технологий сообщество, заинтересованное в первую очередь в самоманифестации. Его участники объединены общим регионом исхода, системой построенных на этнической или национальной солидарности взаимных обязательств. «Цифровые диаспоры» могут означать и инструменты «сохранения идентичности» в условиях постоянной информационной и пространственной мобильности.

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы, изучив описания «диаспоры», представленные в российских мигрантских социальных медиа, определить, какими значениями она наделяется разными акторами, участвующими в этом процессе. Предполагалось также проверить гипотезу, согласно которой в цифровом пространстве «диаспора» определяется как создаваемый принимающим государством инструмент контроля за группами мигрантов, нацеленный на обмен лояльности на возможность манифестировать инаковость [Дятлов 2013; Дятлов, Нам 2020: 482].

Сбор материала осуществлялся в «Одноклассниках», «ВКонтакте», Telegram. «Одноклассники» и «ВКонтакте» были выбраны в силу их популярности в России, Telegram — из-за декларируемой создателями защиты пользовательской анонимности, что является значимым фактором, способствующим формированию «парадокса приватности» [Пронкина 2018]. Рассматривались группы, содержащие в названии одно или несколько ключевых слов: этнонимы, обозначающие выходцев из основных стран-доноров для Российской Федерации [Щербакова 2020]: «узбек», «таджик», «кыргыз», «казах», «молдов», «белорус/беларус», «украинец», «армян», «азербайджан», «туркмен». Также отбирались площадки, в названии которых имелись слова «мигрант*», «приезж*» или «диаспор*». Затем, с помощью машинного перевода, проводился поиск по этнонимам на таджикском, узбекском, кыргызском и других языках стран-доноров. Учитывая, что из выборки наверняка выпадали сообщества, не имеющие в названии подобных ключевых слов, в нее добавлялись также тематические сообщества из списков пользователей, оставлявших комментарии.

Общее количество групп, собранных по такой схеме, превысило 10 тысяч. Многие из них не подходили по тематике, не будучи свя-

заны с миграцией, некоторые не содержали информации в открытом доступе или были заброшены. Были введены дополнительные критерии, позволившие отфильтровать такие группы. В эмпирическую базу вошли только мигрантские группы, локализованные в России, — это позволило устранить из выборки сообщества, посвященные странам исхода, с миграцией не связанные. Не рассматривались сообщества, в составе которых было менее 1000 человек. Это позволило удалить из выборки множество сообществ с минимальной или отсутствующей пользовательской активностью. Были исключены площадки, на «стене» которых не было опубликовано ни одного пользовательского комментария за последние трое суток с момента начала исследования. Были исключены закрытые группы, а также те, в которых публиковалась только реклама, и группы с отключенными комментариями. Все это позволило снизить общее количество цифровых площадок до 200.

Релевантные цели исследования сообщения отбирались с помощью поиска по ключевому слову «диаспор» во встроенных поисковых системах упомянутых выше цифровых площадок. Всего было найдено более 1000 сообщений, размещенных в открытом доступе в пределах указанных групп, содержащих слово «диаспор». При работе с ними использовалась техника анализа дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа [Laclau, Mouffe 1985]: «диаспора» рассматривалась как «изменяемый знак» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 60], который участники диалога (автор изначального сообщения, размещенного на стене, а также — пользователи, оставившие комментарии. — *Прим. авт.*) пытались погрузить в контекст того или иного дискурса, закрепляя за ними различные смыслы.

231

Манифестация и контроль: диаспора в новостных текстах

Большинство упоминаний «диаспор» содержится в репостах публицистических текстов, размещенных на стенах мигрантских групп. Их соотношение к пользовательским комментариям составляет в проанализированном массиве приблизительно 8 к 1. Ключевой темой, обсуждаемой в этой группе текстов, становится контакт репрезентирующей некую общность мигрантов «диаспоры» и бюрократии принимающей страны. Преимущественно данные тексты производятся пресс-службами государственных и негосударственных формализованных организаций: МВД¹ и иными ведомства-

1 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_179024%2Fall

ми¹, посольствами², пресс-службами депутатов³, министерствами⁴. Авторы не считают нужным раскрывать понятие «диаспора», очевидно, полагая, что оно должно быть интуитивно понятно любому потенциальному читателю.

«Диаспора» описывается здесь как посредник между государством и сообществом мигрантов, не имея, по существу, субъектности. Она может лишь говорить от имени государства, способствуя реализации в мигрантской среде распоряжений бюрократии, или говорить с государством от имени мигрантов⁵. В новостных сообщениях можно найти упоминания о сотрудничестве между ФССП и «диаспорами», которые по указанию приставов ищут деньги, чтобы отправлять на родину приговоренных к выдворению из РФ «нелегалов»: *«Работа по препровождению нелегалов за территорию нашей страны ведется круглогодично. Акцент делается на возврат их на историческую родину за их счет. Такой метод работы достигается в том числе и благодаря взаимодействию руководства Управления ФССП России по Самарской области с представителями национальных диаспор, которые находят средства своим согражданам на покупку билетов»*⁶.

232

Часть новостных сообщений представляет собой отчеты о проведенных диаспорами совместно с государственными ведомствами публичных мероприятиях: круглых столах⁷, праздниках⁸, совещаниях⁹. В них «диаспора» помещается в один семантический ряд с такими фразами, как: «с приветственным словом к участникам обратилась»¹⁰; «головокружительные танцы в национальных нарядах и костюмах» и так далее¹¹. Отчеты о проведенных мероприятиях можно отнести к ритуализованным текстам [Вахтин 2015], нужным для демонстрации лояльности через описание реальности государственным языком, сколь бы далеко от реальности он ни находился.

Проинтерпретированные таким образом сообщения о мероприятиях представляются репрезентацией симбиоза между «диаспорой» и государством, о котором писал В. Дятлов [Дятлов, Нам 2020],

1 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_66194%2Fall

2 <https://vk.com/kazembassyru>

3 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1815

4 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_396553%2Fall

5 https://vk.com/migrantsru?w=wall-57738288_35472%2Fall

6 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_66194%2Fall

7 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_78677%2Fall

8 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_6926

9 https://vk.com/muzyka_msk?w=wall-148775255_7679

10 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_40818%2Fall

11 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_179024%2Fall

в текстах социальных медиа. «Дiasпоры» и их лидеры помещаются в один семантический ряд с послами, полицейскими чинами, губернаторами, депутатами, общественниками. Организации, создающие эти тексты, подтверждают тем самым близость государства и «представителей мигрантов», подчеркивая, что бюрократия контролирует ситуацию. Для самих «diasпор» такие встречи и публикуемые по результатам отчеты становятся подтверждением наличия у них ценного административного ресурса:

«В Вологде полицейские и представители diasпор провели поэтическую встречу. В актовом зале УМВД России по г. Вологде состоялась творческая встреча, посвященная 300-летию подразделений по вопросам миграции в системе МВД России. Представители diasпор, национально-культурных объединений города, ученики кадетских классов, а также сотрудники полиции исполнили стихи, песни и танцы разных народов мира. Несмотря на языковой барьер, зрители уловили настроение и эмоциональную составляющую текстов, ведь выступающие говорили и пели о таких вечных понятиях, как любовь, дружба и мир. Головокружительные танцы в национальных нарядах и костюмах не оставили равнодушными ни одного из участников встречи. Хореографические номера, особенно в исполнении детей, вызвали улыбки радости на лицах присутствующих. В конце встречи представители diasпор на разных языках поздравили сотрудников подразделений по вопросам миграции и ветеранов службы с их профессиональным праздником.

233

Начальник УМВД России по г. Вологде подполковник полиции Дмитрий Дугинов поблагодарил гостей за увлекательное мероприятие, пожелав им дальнейших успехов в творчестве. Сотрудники подразделений по вопросам миграции, показавшие высокие результаты в своей деятельности, были поощрены правами начальника УМВД России по г. Вологде, а также отмечены благодарностями от органов местного самоуправления, общественных формирований и Общественного совета при УМВД России по г. Вологде¹».

«Дiasпора» в новостных текстах рассматривается не только как проводник воли бюрократии принимающей страны, но и страны-донора. Так, в ряде сообщений она рассматривается как проводник политики «мягкой силы»² в соседнем государстве через соотечественников, проживающих за рубежом. Большинство таких сообщений найдено на страницах армянских, азербайджанских и российских государственных и общественных организаций. Публичные лица, представляющие Армению и Россию, нередко рассматривают «diasпору» буквально как военную силу. В од-

1 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_180926%2Fall

2 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1521

ной из статей, освещавших заседание профильного комитета ГД по делам СНГ, описывался закон, который *«позволил бы мобилизовать нашу диаспору и сделать ее по-настоящему третьим, после армии и флота, настоящим союзником России в мире»*¹. Подобную интерпретацию «диаспоры» как мобилизационного ресурса транслируют и официальные лица Армении, предлагающие в одном из формализованных текстов представителям «диаспоры» ознакомиться с буднями армянской армии². В иных текстах «диаспора» рассматривается как агент «их» влияния в «нашей» стране³. Их авторы высказывают опасения, что «иммигранты — другие» выполняют роль в «нашей стране», аналогичную той, что «мы» хотим навязать «эмигрантам — соотечественникам»⁴.

В довольно редких случаях «диаспора» как формальная организация может выступать субъектом социального действия. Например, оказывая ту или иную помощь землякам: проводя благотворительные акции у мечетей в дни религиозных праздников, раздачу еды соотечественникам, застрявшим в аэропортах в пандемию⁵, помогая землякам лекарствами⁶. «Диаспора» может объяснять «землякам» изменения в миграционном законодательстве⁷, помогать мигрантам в иных кризисных ситуациях⁸. «Диаспора» может проявлять свою субъектность и действовать вопреки интересам ведомств принимающей страны⁹, однако в этом случае она приобретает негативное сопутствующее значение¹⁰.

В подобных случаях она ставится в один семантический ряд с «нелегальностью»¹¹, например — с «обнаруженными нелегалами» в помещении, принадлежащем муниципальной организации, которая сдала его в аренду «диаспоре»¹². Когда «диаспора» совершает какие-то действия вне санкции властей, это может рассматриваться как угроза и проявление преступных наклонностей¹³: *«в столичном криминале <...> среднеазиатских этнических группировок*

1 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1966

2 https://vk.com/hay_ser?w=wall-140425294_5685

3 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_2287

4 https://vk.com/azerbayjan_love1?w=wall-126353260_201848

5 https://vk.com/tadjiki1?w=wall-167700765_5204

6 https://vk.com/migrant_russia?w=wall-157666628_2548

7 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_149391%2Fall

8 https://vk.com/migrant_russia?w=wall-157666628_2548

9 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_1329%2Fall; https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_570

10 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_183729%2Fall

11 https://vk.com/official_migrant_ru?w=wall-171485733_1209

12 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_1199%2Fall

13 <https://ok.ru/migrantlegal>

из рядов спортсменов. Объявления о турнирах развешиваются на рынках, постятся на интернет-ресурсах, где общаются между собой этнические диаспоры»¹.

Новостных текстов, в которых «диаспора» выступает как субъект социального действия, оказывая помощь «землякам», было обнаружено вдвое меньше, нежели упоминаний о выступлениях представителей «диаспоры» с публичными заявлениями от их имени или с экспертной оценкой их положения. И в 10 раз меньше, чем текстов о публичных «манифестационных» мероприятиях с участием «диаспоры» или иных текстов, где «диаспора» выступает как объект государственных интересов. Это может говорить о том, что бюрократия принимающей страны имеет намного больше инструментов для закрепления необходимых ей значений за узловым знаком «диаспора». Она задает ключевые значения и функции «диаспоры» в медийных текстах, которые встречаются на рассмотренных цифровых площадках, прежде всего это инструмент для реализации государственной миграционной политики. Официальные мероприятия, нацеленные на манифестацию «мигрантской» идентичности «в рамках закона», становятся ключевым значением, с которым связана «диаспора» в новостных текстах.

235

Трудно найти, легко потерять: «диаспора» в комментариях пользователей

Упоминания «диаспор» в пользовательских постах встречаются в восемь раз реже, чем в репостах новостных текстов. В пользовательских постах, комментариях к ним и комментариях к репостам новостных текстов люди ищут «диаспоры» в своем городе, критикуют их или собираются сами их создать. В пользовательских сообщениях «диаспора» редко упоминается как посредник между государством и мигрантом, а если упоминается, то как посредник не очень эффективный². В частности, некоторые пользователи утверждают, что «диаспоры» берут на себя посреднические функции в нормативном сопровождении миграционных потоков, не обладая достаточной квалификацией³.

Нередко пользователи оспаривают транслируемое пресс-службами значение «диаспоры» как эффективного посредника, способного доносить до государства проблемы мигрантов, утверждая,

1 <https://life.ru/p/1306467>

2 «https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_8883%2Fall

3 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_83265%2Fall

что эти претензии не имеют под собой оснований¹: *«Предостережение — не считать заявление диаспор чем-то, кроме шума. НЕ ВЕРЬТЕ никаким слухам и сплетням, пока лично не увидите соответствующий закон. <...> Нередко различные чиновники из Таджикистана и Кыргызстана делают выступления на тему запретов въезда в РФ, иногда о чем-то шумят в диаспорах. <...> Все это просто слова и суета, игра на публику»².*

В комментариях субъектность «диаспор» приобретает несколько иной смысл, нежели в новостных текстах. «Диаспоры» описываются как способ накопления символического и социального капитала, который затем конвертируется лидерами в неформальное влияние на соотечественников, и нередко — в личное обогащение. «Близость к власти», являющаяся частью значения «диаспор» в новостных текстах, здесь описывается как карьерный лифт, способ альтернативной социализации:

«Как срубить бабла по-легкому на своих же соотечественниках. 1. Сначала надо хоть немного [начать] разбираться в российских законах. <...> Затем тусоваться в местах скопления соплеменников: на вокзале (что нужно, брат, патент, РВП, я все знаю, все расскажу), возле посольства (брат, я любую справку сделаю) или возле ФМС (брат, мамой клянусь, все тебе подешевле сделаю). <...> Надо начинать «помогать» оформлять РВП, попутно невзначай показывать визитки участкового «как раз недавно он приходил проверять съемную хату, но ты договорился за 5 тысяч, чтобы он тебя не тронул) и фотки из суда (тебя самого туда возили, суд дал штраф без депорта <...> но клиенту не нужно знать об этом). 2. Клиентов становится много, ты мутишь себе контору с громким названием «Конгресс (каких-то то там) диаспор», попутно становишься помощником помощника какого-нибудь мелкого местного депутата. 3. Теперь ты в шаге от настоящего успеха. Ты добыл какую-то корочку, называешь себя «диаспоральным» лидером, мелькаешь в газетах, жизнь удалась»³.

В комментариях оспаривается не только компетентность и посредническая роль «диаспор», но и сам факт их существования. На нескольких мигрантских платформах удалось найти репосты одного и того же текста под разными названиями — на казахских платформах он был озаглавлен «признаки казаха в Москве», на узбекских — «признаки узбекского интеллигента в Москве». В список «признаков» был включен пункт, где «диаспора» описывается как некая полумифическая «мигрантская» элита: *«...в Москве существует*

1 https://vk.com/fms_of_russia?w=wall-1806294_19669%2Fall

2 https://vk.com/migrantsru?w=wall-57738288_92891%2Fall

3 https://vk.com/vestnik_migranta?w=wall-86094885_39982%2Fall

большая узбекская/казахская диаспора, сплошь состоящая из крупных бизнесменов, деятелей культуры, ученых, спортсменов, но где она находится и кто именно в ней состоит, вы не очень хорошо знаете. И никак не можете узнать ни адрес, ни телефон узбекского/казахского национально-культурного центра, который как бы есть, но пока больше виртуально»¹. Удалось найти около десяти репостов этого текста на разных казахских и узбекских коммуникационных платформах². Это может свидетельствовать о том, что пользователи-узбеки и казахи «диаспору» в значении, в котором ее представляют новостные тексты, вообще не рассматривают.

В пользу этого предположения говорят и многочисленные пользовательские посты, в которых пользователи ищут диаспору. Иногда под этим подразумевается поиск значения слова «диаспора». В разворачивающихся диалогах «диаспора» наделяется самыми разными смыслами:

- У вас в Саратове диаспора есть?
- У нас есть криминальные группировки, у нас есть все!
- Официально одна есть, но так как мы очень дружный народ, их несколько)))
- Канеш, есть, целый вагон с прицепом.
- У нас кланы)))
- У нас группы.³

237

Показательны комментарии, появлявшиеся в течение нескольких лет в группе «казахи Волгограда» в «ВК», в которых обсуждалось значение интересующего нас слова. Обсуждение началось с поиска контактов лидера местной «диаспоры». Не получив ответа, автор опубликовал обращение повторно, среди обративших внимание на эту публикацию оказалась женщина, заявившая, что она создает «диаспору» и потому является лидером. Также женщина дала пространственный ответ на вопрос о том, зачем диаспора в принципе нужна: «Диаспора для того, чтобы хранить нашу культуру, традиции и обычаи, чтоб делать наш народ одним целым, чтобы наши дети росли в лучших общественных условиях и чувствовали себя комфортно в стране, в которой родились и выросли, несмотря на то что он имеет другой цвет волос и разрез глаз».

Этот текст воспроизводит дискурс новостных сообщений, «диаспора» рассматривается как способ манифестации идентичности. В комментариях одни пользователи усомнились в корректности

1 https://vk.com/uzbek.mahalla?w=wall-50620855_284980

2 <https://m.ok.ru/group52214532603999/topic/68112840455519#cmntfrm>; <https://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=804758>; https://pikabu.ru/story/50_priznakov_kazakha_v_moskve_1528008

3 https://vk.com/sarkz?w=wall-62717158_142166

употребления слова по отношению к казахским землячествам, другие вспомнили, что есть иные «диаспоры» и иные лидеры в Волгограде, усомнившись, впрочем, в их эффективности: *«Для тех, кто не в курсе и вообще не понял вопроса, — в Волгограде есть официальное лицо, именуемое по закону главой казахской диаспоры! Насколько я знаю, государство даже выделяет определенные деньги на культурные мероприятия и собрания, вот только куда они уходят — неизвестно!!!»* Позже в диалоге упоминается третий «глава диаспоры», и разговор после этого сходит на нет¹.

Три года спустя на стене группы вновь появляется вопрос о том, есть ли в Волгограде «диаспора». Диалог повторяется почти дословно, но уже другими участниками. Одни пользователи высказали убеждение в том, что «диаспора» есть, но почему-то не участвует в публичных мероприятиях; другие утверждали, что на самом деле диаспоры нет, а даже если бы и была, то никакого толку от участия в манифестационных мероприятиях нет; третьи посчитали неправильным такое словоупотребление; четвертые усомнились в целесообразности диаспоры вне зависимости от того, что это слово значит. Еще через год вопрос был задан вновь² с похожим результатом. В промежутках между этими диалогами на стене сообщества регулярно появлялись упоминания о различных мероприятиях, которые организуются «диаспорой» или в которых она принимала участие³.

Диалоги с похожим содержанием разворачиваются также на стенах площадок московских⁴ и омских⁵ казахов, московских азербайджанцев⁶, московских кыргызов⁷, азербайджанцев ХМАО⁸. «Диаспоры» ищут не только нуждающиеся в помощи, но и журналисты⁹, желающие написать о них материал. Вновь и вновь поиск «диаспор» приводит к дебатам об их значении и задачах, что демонстрирует полисемию термина¹⁰. Диаспора определяется либо как организация, необходимая для взимания ренты, распределения благ между

1 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_39388

2 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_39388

3 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_53723; https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_54237; https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_67402; https://vk.com/kzvolgograd?z=video-74041328_456239117%2Fbf75a7cbc0b7a80dd8%2Fpl_post_-74041328_18477

4 https://vk.com/pcavm?w=wall-118941478_16749

5 https://vk.com/kazahi_omska?w=wall-2227694_55725

6 https://vk.com/amor.official?w=wall-561844_26776

7 https://vk.com/podsluskakgz?w=wall-87594204_87632

8 <https://vk.com/10az86>

9 https://vk.com/turkmenu?w=wall-94920860_11%2Fall

10 https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_39388

нуждающимися и решения других практических вопросов, либо как воображаемое сообщество, снабжающее своих членов общей идентичностью, общими целями, общими интересами.

Поиск «диаспор» продолжается даже в тех символических пространствах, где ее существование, казалось бы, неоспоримо. Под некоторыми формализованными текстами, оповещающими о проведенных «с участием диаспор» мероприятиях, пользователи оставляют комментарии с просьбой о помощи или спрашивают о том, как можно связаться с ее представителями. Такие обращения нередко остаются без ответа¹, по крайней мере, в открытом доступе².

Некоторые диалоги пользователи начинают с поисков «диаспоры», а заканчивают выяснением того, как ее создать самостоятельно. Обоснованием целесообразности такого шага часто называют тот факт, что у «других» она уже есть, и притом весьма могущественная³. Возможно, это говорит о том, что мигранты воспроизводят часть дискурса медиа, в котором Диаспора рассматривается как агент влияния Другого, как причина его сплоченности⁴. При этом они не находят признаков существования подобных образований в своем окружении: *«Всегда ставил в пример своим знакомым модель поведения южных и кавказских народов в иммиграции: они держатся, как правило, группами, создают диаспоры и этим берут свое, чего в большинстве своем не скажешь о нас»*⁵. Подобные комментарии можно найти в азербайджанских, украинских, казахских группах. Среди прочих причин «создающие диаспору» пользователи упоминают проведение совместных мероприятий⁶, общение с земляками⁷, оказание помощи в трудоустройстве⁸.

239

Призывы к созданию «диаспоры» в мигрантских группах приводят к рефлексии относительно идентичности тех, кто мог бы войти в ее состав. Такие обсуждения нередко возникают в группах «ВКонтакте», не имеющих ни национальной, ни этнической привязки, где присутствуют выходцы из разных стран СНГ, объединенные лишь общей мигрантской проблематикой: дефицитом ресурсов, дискриминацией, проблемами интеграции и легализации. Оказавшись перед лицом схожих трудностей, пользователи таких

1 https://vk.com/amor.official?w=wall-561844_26776

2 https://vk.com/club2700918?w=wall-2700918_1137

3 https://vk.com/amor.official?w=wall-561844_5451

4 https://vk.com/club75569882?w=wall-75569882_43100%2Fall

5 https://vk.com/club112220?w=wall-112220_129%2Fall

6 https://vk.com/club2700918?w=wall-2700918_1127%2Fall

7 https://vk.com/club2700918?w=wall-2700918_1137

8 https://vk.com/blr_msk?w=wall-139065661_3272

площадок демонстрируют солидарность, напоминающую солидарность лиминальных групп [Тернер 1989: 169-170]. Обсуждения диаспор, опирающихся на земляческую солидарность, нередко заканчиваются спорами¹ о том, является ли вообще уместным деление по национальному признаку в мигрантской среде. Пользователи, демонстрирующие солидарность, распространяющуюся на мигрантов в принципе, вне зависимости от страны исхода, нередко оказываются не готовы поддерживать общность, построенную на солидарности национальной или этнической. Впрочем, удалось найти несколько примеров того, как в результате таких обсуждений появлялись жизнеспособные организации².

Заключение

Вышеизложенное позволяет подтвердить гипотезу, высказанную в начале статьи. «Диаспора» в рассмотренных социальных медиа выглядит, по крайней мере, в текстовом массиве, доступном для стороннего наблюдателя, *результатом попыток государства создать язык описания, упрощающий понимание миграционных процессов и дающий иллюзию централизованного контроля*. В этом языке на первом месте среди потребностей «мигрантов» находится манифестация инаковости, и именно эту возможность бюрократия пытается предоставить «диаспорам» в обмен на иллюзию контроля.

Работая с «диаспорами», бюрократия определяет их как «меньшинства», вероятно, подразумевая при этом, что «меньшинство» прежде всего заинтересовано в сохранении собственной, по умолчанию подразумеваемой инаковости [Декханов 2010]. Это вновь и вновь приводит к хорошо описанным трудностям [Малахов, Осипов 2008]. В частности, когда «диаспора» начинает демонстрировать поведение, не вписывающееся в созданные бюрократией категории, она начинает вызывать подозрения. Судя по многочисленным сообщениям, в которых пользователи ищут «диаспору», критикуют ее или сомневаются в ее существовании, манифестация этничности — далеко не первое, в чем они нуждаются в России. О том же свидетельствуют и упоминания о неформальной активности лидеров диаспор, обменивающих полученный от близости к власти символический капитал на различные юридические услуги мигрантам.

Возможно, по этой причине смыслы, которыми «диаспору» наделяет бюрократия (объект социального действия, посредник между

1 https://vk.com/club75569882?w=wall-75569882_43100%2Fall

2 https://vk.com/art_rf_vrn

«мигрантами» и «государством», причем в большей степени подчиненный именно интересам второго), не разделяются пользователями, выдвигающими альтернативные значения. Все вышесказанное отнюдь не отрицает существования солидарности среди мигрантов: большая часть рассмотренных тг-каналов и групп в «ВК» и «Одноклассниках» является тому подтверждением [Тимошкин 2019]. Однако для обозначения этих форм взаимопомощи и солидарности, судя по всему, термин «диаспоры» не подходит.

Большинство упоминаний диаспор в проанализированном массиве приходится на репосты новостных текстов, нередко за авторством ведомственных пресс-служб. Соотношение этих текстов к пользовательским комментариям составляет примерно 1 к 10. Это может говорить о том, что мигранты проявляют значительно меньшую заинтересованность в диаспорах, нежели государственные ведомства. Обнаруженные на мигрантских платформах тексты можно разделить на следующие тематические блоки по значениям, которые определяет употребитель слова:

1) «Диаспора» как объект социального действия, осуществляемого абстрактным мигрантским сообществом, бюрократией принимающей страны или страны-донора. Сюда относятся сообщения, в которых «диаспора» является участником или организатором «манифестационных» мероприятий, «проводником» интересов страны-донора в принимающей стране или механизмом осуществления миграционной политики местных официальных ведомств. Формально выразителем интересов группы мигрантов «диаспора» выступает, делая публичные заявления на официальных мероприятиях.

2) «Диаспора» — субъект социального действия. Она оказывает помощь мигрантам, предоставляет консультации, раздает продукты в аэропортах, оплачивает выступления/подготовку спортсмена-«земляка», организует рейсы домой в пандемию, осуществляет политическое лоббирование, спасает из трудового рабства. Текстов, в которых «диаспора» представлена как помощник мигрантам, меньшинство, в общем массиве — не более десятой доли. К этой категории относятся тексты, в которых «диаспора» действует вопреки интересам бюрократии принимающей страны, в этом случае она маркируется как опасный «чужак». Субъектность «диаспор» признается в части пользовательских комментариев, в которых раздаются призывы создать ее, а также — в комментариях, критикующих руководство диаспор, использующих символический капитал от близости к власти для личного обогащения.

3) Диаспора не существует или не обладает внятным содержанием. Большинство пользовательских сообщений в пределах рассмотренных цифровых площадок относится именно к этой категории.

«Посредническая» роль диаспор, по крайней мере, если говорить о проанализированном здесь массиве текстов, декларируется по большей части в медийных текстах и не разделяется многими пользователями-мигрантами. Это позволяет выдвинуть гипотезу об иллюзорности контроля, который бюрократия принимающей страны получает в обмен на предоставляемые «диаспорам» ресурсы и возможности для проведения манифестационных мероприятий.

Среди всего массива пользовательских сообщений можно выделить небольшую группу текстов, где существование «диаспоры» признается, однако пользователи сомневаются в том, что ее цель заключается в помощи конкретным мигрантам¹. В частности, такие заявления можно встретить в азербайджанских² и туркменских³ группах. В единичных случаях пользователи отмечают эффективность «диаспоры» или отмечают какие-то конкретные исходящие от нее инициативы в интересах мигрантов⁴. За редкими исключениями⁵ в рассмотренных текстах не встречаются в одном семантическом ряду слова благодарности или признательности и термин «диаспора».

242

Показательно, что в популярных мигрантских телеграм-каналах⁶, на одном из которых публикуется до тысячи сообщений ежедневно⁷, выполняющих стандартные для подобных тематических платформ функции (взаимопомощи, обмена информацией, неформального найма и т. д.), было обнаружено только два упоминания слова «диаспора». В первом случае это текст, в котором отрицается существование мигрантских «диаспор» в России,⁸ второй текст предупреждает о нечистых на руку строительных подрядчиках, о которых «уже в курсе таджикская диаспора»⁹.

1 https://vk.com/vestimigranta?w=wall-142390258_183729%2Fall

2 https://vk.com/10az86?w=wall-136757075_12579; https://vk.com/10az86?w=wall-136757075_9182

3 https://vk.com/turkmenu?w=wall-94920860_5501%2Fall

4 https://vk.com/art_rf_vrn?w=wall-115103803_137561%2Fall

5 <https://ok.ru/migrantuz>; https://vk.com/club112220?w=wall-112220_129%2Fall; https://vk.com/kzvolgograd?w=wall-79182295_118336

6 [T.me/mgrnrtruchat](https://t.me/mgrnrtruchat); t.me/piterdaishelon1

7 [T.me/piterdauzelonlar](https://t.me/piterdauzelonlar)

8 <https://t.me/migrantIrkutsk/28484>

9 <https://t.me/migrantIrkutsk/58825>

Библиография / References

Баньковская С. (2002) Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности. *Отечественные записки*, 6: 457–467.

— Bankovskaya S. (2002) Strangers and Borders: On the Concept of Social Marginality. *Otechestvennye zapiski*, 6: 457–467. — in Russ.

Ван Дейк Т. (2013) *Дискурс и власть*, М.: Либроком: 344.

— Van Deijk T. (2013) *Discourse and Power*, Moscow: Librokom: 344. — in Russ.

Вебер М. (1990) Основные социологические понятия, М.: Прогресс: 808.

— Weber M. (1990) Basic sociological concepts, Moscow: Progress: 808. — in Russ.

Веснина Л. (2009) Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ. *Культурная лингвистика*, 3: 27–34.

— Vesnina L. (2009) Military Metaphor: Creating the Image of Migrants in Russian Mass Media. *Cultural Linguistics*, 3: 27–34. — in Russ.

Воронова О. (2016) Пресса современного русского зарубежья: между национальным и глобальным. *Вопросы теории и практики журналистики*, 2(5): 278–292.

— Voronova O. (2016) The press of the modern Russian abroad: between the national and the global. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2(5): 278–292. — in Russ.

243

Де Серто М. (2013) *Изобретение повседневности*, СПб.: Изд-во ЕУ СПб.: 330.

— De Serto M. (2013) *Izobretenie povsednevnosti* [The practice of everyday life], SPb, Izd-vo EU SPb: 330. — in Russ.

Дятлов В. (1994) *Диаспора как исследовательская проблема*, Иркутск: Изд-во ИГУ: 315.

— Djatlov V. (1994) *Diaspora as a research problem*, Irkutsk: Irkutsk State University publishing house: 315. — in Russ.

Дятлов В. (1999) Диаспора: попытка определиться в термине и понятии. *Диаспоры*, 1: 8–19.

— Djatlov V. (1999) Diaspora: an attempt to define the term and concept. *Diaspory*, 1: 8–19. — in Russ.

Дятлов В. (2013) Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России. *Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции*, 1: 731–734.

— Djatlov V. (2013) Labor migration and the process of forming diasporas in modern Russia. *Migration processes and current issues of migration*, 1: 731–734. — in Russ.

Дятлов В., Нам И. (2020) Национально-культурные организации в сибирском городе: проблема этнического представительства. *Идеи и идеалы*, 4(12): 473–491.

— Djatlov V., Nam I. (2020) National-cultural organizations in the Siberian city: the problem of ethnic representation. *Idey i idealy*, 4(12): 473–491. — in Russ.

Йоргенсен М., Филлипс Л.Дж. (2008) Дискурс-анализ. Теория и метод, Харьков: Гуманитарный центр: 60.

— Jorgensen M., Phillips L. J. (2008) Discourse analysis. Theory and method, Kharkiv: Humanitarian Center: 60. — in Russ.

Кондратьева Т. (2010) Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. *Фонд исторической перспективы*. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886/http://xn--b1aecbgc5andg.xn-->

— Kondratieva T. (2010) Diasporas in the modern world: the evolution of phenomena and concepts. *Foundation for Historical Perspective*. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886/http://xn--b1aecbgc5andg.hp-->. — in Russ.

Курилов А. (2015) Структура и механизмы функционирования новостного поля. *Вестник РУДН*, 4: 127–135.

— Kurilov A. (2015) Structure and mechanisms of functioning of the news field. *Vestnik RUDN*, 4: 127–135. — in Russ.

Кужелева-Саган И., Глухов А., Бычкова М., Гужова И. и др. (2016) «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей, Томск: изд-во ТГУ: 168.

— Kuzheleva-Sagan I., Gluhov A., Bychkova M., Guzhova I. etc. (2016) “Digital diasporas” of migrants from Central Asia: a virtual network organization, the discourse of an “imaginary community” and the competition of identities, Tomsk: Tomsk State University Press: 168. — in Russ.

Малахов В. (2004) Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах. *Космополис*, 1(7): 56–69.

— Malahov V. (2004) Ethnization of the migration phenomenon in public discourse and institutions. *Kosmopolis*, 1(7): 56–69. — in Russ.

Пронкина Е. С. (2018) Парадокс приватности: почему пользователи социальных медиа раскрывают персональную информацию в публичном пространстве. *Вестник РГГУ*, 8: 155–165.

— Pronkina E. S. (2018) The paradox of privacy: why social media users disclose personal information in the public space. *Bulletin of the Russian State University*, 8: 155–165. — in Russ.

Симон М. (2016) Голос субальтернов: репрезентации инаковости в музыкальных практиках черной Америки. *Логос*, 4(26): 63–94.

— Simon M. (2016) Voice of the subaltern: representations of otherness in musical practices of the black Atlantic. *Logos*, 4(26): 63–94. — in Russ.

Тощенко Ж., Чаптыкова Т. (1996) Диаспора как объект социологического исследования. *Социологические исследования*, 12: 33–42.

— Toshhenko Zh., Chaptykova T. (1996) Diaspora kak objekt sociologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of sociological research]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 12: 33–42. — in Russ.

Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ*, М.: ВШЭ: 336.

— Urri Dzh. (2012) *Sociology beyond Societies*, Moscow: VshJe: 336.

Фоканов Ю. (2008) Диаспора: к вопросу о концептуализации понятия в условиях глобализации. *Известия РГПУ им. Герцена*, 60: 284–289.

— Fokanov Ju. (2008) Diaspora: on the issue of conceptualization of the concept in the context of globalization. *Izvestija RGPU im. Gercena*, 60: 284–289. — in Russ.

Щербакowa Е. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года. *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom03.php>

— Shcherbakova E. Foreign labor force in Russia by the end of 2020. *Demoscope Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom03.php>. — in Russ.

Andersson K. (2019) Digital diasporas: an overview of the research areas of migration and new media through a narrative literature review. in *Human Technology*, Vol. 15. No. 2: 142–180.

Beneito-Montagut R. (2011) Ethnography Goes Online: Towards a User-Centred Methodology to Research Interpersonal Communication on the Internet. in *Qualitative Research*, Vol. 11. No. 6: 716–735.

Dekker R., Engbersen G. (2014) How social media transform migrant networks and facilitate migration. in *Global Networks*, No. 14: 401–418.

Dekker R., Engbersen G., Klaver J. (2018) Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making. in *Social media + Society*, No. 4: 1–11.

Hayness N., Wang X. (2019) Making migrant identities on social media: a tale of two neoliberal cities on the Pacific Rim. in *Media, culture and society*, 1–10.

Komito, L. (2011) Social media and migration: Virtual community 2.0. in *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, No. 62: 1075–1086.

Machado I. (2014) Laclau and Mouffe's Theory of Discourse and Hegemony: a Possible Approach to Law and its Integrity? *ARSP*, 3(100): 323–335.

Paechter S. (2015) Researching sensitive issues online: Implications of a hybrid insider/outsider position in a retrospective ethnographic study. in *Qualitative Research*, Vol. 13. No. 1: 71–86.

Ponzanesi S. (2020) Digital Diasporas: Postcoloniality, Media and Affect. in *International Journal of Postcolonial Studies*, Vol. 22. No. 8: 977–993.

van Meeteren M., Pereira S. (2018) Beyond the “Migrant Network”? Exploring Assistance Received in the Migration of Brazilians to Portugal and the Netherlands. in *Journal of International Migration and Integration*, Vol. 19. No. 4: 925–944.

Рекомендация для цитирования:

Тимошкин Д. О. (2022) «Как бы есть, но пока больше виртуально»: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках. *Социология власти*, 34 (3–4): 227–246.

For citations:

Timoshkin D. O. (2022) "They Seem to Exist, but Mostly Virtually so Far": Representations of Diasporas on Migrant Digital Communication Platforms. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 227-246.

Поступила в редакцию: 10.12.2022; принята в печать: 28.12.2022

Received: 10.12.2022; Accepted for publication: 28.12.2022